

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ОРГАНИЦИЗМА

Органицизм – малоизученное направление в российской культуре XIX-XX веков, обладавшее и обладающее, на наш взгляд, во-первых, значительным эвристическим потенциалом, во-вторых, оказавшееся ныне актуальной темой в дискурсе о русской мысли. Уже одно то, что он оказался тесно связанным с русским космизмом, говорит о многом. Отсутствие внимания исследователей к этому направлению в прошлом объясняется отчасти его расплывчатостью, размытостью, нечеткостью его границ, отсутствием специальной рефлексии по поводу этого явления у тех отечественных мыслителей, которых можно отнести к его адептам (хотя попытки этого можно найти в работах Н. Страхова, В. Соловьева, Н. Лосского, С. Франка). Это обусловлено, думается, тем, что органицизм представляет собой прежде всего вполне определенный теоретико-методологический подход, а не систему теоретических взглядов. Он имеет соответствующие результаты в построении онтологии, гносеологии, этики, эстетики, натурфилософии. Поэтому идеи органицизма использовали и западник Т. Грановский, и неославянофил Н. Страхов, и позитивист О. Конт. Органицистская методология может использоваться тем или иным мыслителем применительно только к какой-то одной сфере исследования или быть сквозной, цементирующей идеей, или из нее могут браться только определенные элементы. Органицизм может применяться как в натурфилософских концепциях, так и в метафизических построениях.

Основным понятием органического направления является, соответственно, понятие «организм». В философском энциклопедическом словаре органицизм определяется как «философско-методологическая и общенаучная концепция, кладущая в основу объяснения широкого круга природных явлений понятия организации и организма»¹. В словаре разграничивается *организмизм* и *органицизм* на основании того, что организмические концепции выдвигались задолго до того, как был сформулирован органицизм. Думается, на основании подобного временного критерия вряд ли стоит выделять два различных направления. При этом, думается, не следует сужать органицизм до концепции, относящейся только к природным явлениям. Пример философии Н.Н. Страхова говорит о том, что органический подход может охватывать гораздо более широкое исследовательское поле.

В историко-философском плане корни органицизма восходят к идеям Платона и Аристотеля. Непосредственное отношение к формированию органицизма имеет Г.В. Лейбниц. Как известно, на формирование взглядов Лейбница оказали огромное влияние достижения естествознания в изучении живой материи. Механистический материализм к этому времени обнаруживает свои слабости. Лейбниц как антитезу ему разрабатывает концепцию динамизма, оказавшую влияние на натурфилософские представления Шеллинга и на формирование органицизма.

Итак, главный концепт органицизма состоит в том, что любое целостное явление рассматривается в нем как организм. Отсюда понятно, что основным методом органицизма является метод аналогии, за что его и критиковали. Так как методологически органицизм был результатом абсолютизации особенностей более высокой (по сравнению с неживой) формы материи – биологической, то для него было характерно преувеличение роли метода аналогии. В концепциях органицистов он выступал на первый план. В этом был как плюс, так и минус. С одной стороны, органицисты внесли вклад в разработку метода аналогии, который закономерно существует в науке, выполняя очень значительную эвристическую функцию, особенно в новых, неизвестных еще областях научного исследования. С другой, - как результат

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 464.

абсолютизации этого метода, органицизму присущи иногда довольно прямолинейные выводы из уподобления всего существующего организму. Так, например, Н.Я. Данилевский при разработке концепции культурно-исторических типов в рамках органицизма пользовался методом аналогии, сравнивая эти типы культуры и растения: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу»². Серьезным негативным следствием абсолютизации метода аналогии был натурализм в социальной философии, что мы и наблюдаем в концепции Данилевского. Притом, что бытие отдельного целостного явления рассматривается органицистами по аналогии с организмом, процесс развития целостных социальных образований закономерно будет пониматься достаточно упрощенно. Другим негативным следствием было то, что аналогия без наложения строгих ограничений чревата неточностью, расплывчатостью, метафоричностью понятий, что мы видим на примере понятия «почва» у почвенников. Вместе с тем, хотя метод аналогии исследовался гораздо меньше, нежели индукция, дедукция, и многие современные исследователи придерживаются мнения, что аналогия дает лишь вероятные, более или менее правдоподобные выводы, тем не менее и в настоящее время ученые не сомневаются в плодотворности этого метода. Он приходит на помощь при прогнозировании поведения сложных эволюционирующих нелинейных динамических систем, объектов, которые изучают психология, экономика. Так, на симпозиуме по эволюционной экономике академик Л.И. Абалкин отметил: «Когда наука идет к поиску новой парадигмы, – экономическая теория не только в наших странах, но и целом мире стоит перед необходимостью прорыва к новому теоретическому осмысливанию как прошлого, так и будущего развития общества, его экономической и социальной системы, – то она очень часто обращается к методу аналогий, к понятиям, почерпнутым из других наук»³.

Вл. Карпов, автор специально посвященного органицизму труда, выделил основные черты органического понимания природы. Первое положение органической теории: вся природа состоит из естественных тел, «обладающих различными степенями активности»⁴. В органицизме XIX века мы видим отголоски аристотелевского гилеморфизма. Материал, из которого стоит естественное тело, есть материя. Форма – то, что делает тело единым целым, – определяет материю, являясь идеальной по своей сущности. Отсюда вытекает характерный для органицизма принцип всеобщей одушевленности. Внутренний активизм, присущий природе, обусловлен ее всеобщей одушевленностью. Отметим часто имевшее место у органицистов смешение, отождествление одушевленности с динамизмом, способностью материи, природы к изменчивости, к саморазвитию. Оно идет от Лейбница, который утверждал, что «живое начало» дает себя знать в неорганической природе в качестве силы, изначально свойственной каждому телу. Ни Лейбниц, ни Шеллинг, ни позднее органицисты не смогли найти иное объяснение этой силе, самодвижению живой и неживой природы, кроме как признав наличие в каждом природном теле души.

Характерной для органицизма чертой является отрицание возможности существования в мире, в природе абсолютно простых тел. Заметим, что Лейбниц, разбирая проблему дискретности и континуальности и решая вопрос о том, существует ли в природе неделимые элементы, пришел к утверждению, что тела делимы до бесконечности. Отсюда понятно, что органицисты-натурфилософы XIX века будут выступать против идеи дискретности материи и критиковать атомизм. Они следовали

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Л., 1991. С. 92.

³ Абалкин Л.И. Отложенные перемены или потерянный год. М.: ИЭ РАН. 1997. С. 262.

⁴ Вл. Карпов. Основные черты органического понимания природы. М., 1913. С.14.

шеллинговой концепции динамического атомизма. Третьим основным положением органицизма является утверждение органических натуралистов, что вселенная есть ни что иное, как живое и одушевленное существо. Точнее было бы сказать, что вселенная понимается у них как единый, целостный организм, мир как единое целое. Не случайно работа Н. Страхова называется «Мир как целое», а у Н. Лосского «Мир как органическое целое». Мир в качестве организма был представлен у Шеллинга. Отечественные органицисты развивали данное представление. Органицизм и возник в основном как попытка натурфилософского осмысления развития живой материи, а первым попытался осуществить это осмысление в своей натурфилософии Ф. Шеллинг.

Из такого понимания мира, естественно, вытекают определенные следствия. Во-первых, органицисты неизменно отстаивали идею всеобщей связи, существующей в мире, ибо в едином целом, в организме все взаимосвязано. Во-вторых, для органицизма характерна идея связи отдельных предметов, природных тел с миром в целом. В-третьих, органицизм предполагает видение мира как упорядоченного структурированного целого. Мир в органицизме видится как гармоническая сфера. Не удивительно, что, например, в мирозерцании органицистов А. Галича и Н. Страхова столь ярко выражено эстетическое отношение к миру. В работе «Опыт науки Изящного» Галич писал: «...внешняя природа действительно удовлетворяет требованиям Изящного. Она яснее всего усматривается в органических ее существах, коих красоты так же сопряжены здесь с очаровательными прелестями очертаний, цветов, звуков и прочих явлений жизни, как в неорганическом ее царстве с громадами масс и движущих сил, и посему преимущественно с характером величественного и грозного, а в Истории человечества с характером доблестного и трогательного»⁵. В 1860 году были написаны две работы А.Н. Бекетова⁶ и Н. Страхова⁷ об эстетическом в природе. Последний проводил мысль, на которую и в настоящее время следовало бы обратить внимание, – о том, что естествознание имеет тройкий интерес: теоретический, утилитарный и эстетический.

Так же, как и Шеллинг, русские органицисты акцентировали идею единства живой и неживой материи. Из принципа органической целостности вытекала такая важнейшая методологическая идея органицизма, как приоритет целого по отношению к составляющим его частям. Этот принцип у органицистов был прямо направлен против аналитической установки господствовавшего в XVII-XVIII веке редуционизма, аналитической методологической установки. Целое не возникает вследствие суммирования отдельных частей, «целое больше суммы своих частей»⁸. Решая проблему целого и части, сторонники органического миропонимания приходили к идее, которая звучала у Шеллинга, – целое предшествует частям, «множественность не образует целого, а, наоборот, порождается из единого целого»⁹.

Н.О. Лосский, демонстрируя отличие органического миропонимания от неорганического, показывает, как понимается целое в этих противоположных направлениях. «Встретившись со сложным целым, в котором можно различить части А, В, С, D, сторонник неорганического миропонимания стремится понять его как составленное из элементов А, В, С, D, считая их способными существовать самостоятельно, совершенно не зависимо и друг от друга и от целого, в котором они найдены. Самостоятельность их, по его мнению, настолько велика, что если бы В, С, D совершенно исчезли из мира, А по-прежнему осталось бы существовать ...Самое

⁵ Галич А. Опыт науки Изящного. СПб., 1825. С.65.

⁶ А.Н. Бекетов Гармония в природе// Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., 1959.

⁷ Страхов Н.Н. Интерес естественных наук// Страхов Н.Н. О методе естественных наук и значение их в общем образовании. СПб., 1865.

⁸ Богданов А.А. Тектология. М., 1989. Ч. 1. С. 112.

⁹ Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Его же. Избран. соч. М., 1991. С. 341.

резкое выражение такого миропонимания заключается в примитивнейших формах атомистического материализма»¹⁰. Характерной чертой органицизма в натурфилософии можно назвать отрицание возможности существования в мире, в природе абсолютно простых тел. Органицисты-натурфилософы XIX века вслед за Лейбницем будут выступать против идеи дискретности материи и критиковать атомизм.

Для органицизма характерен принцип всеобщей связи и принцип эволюционизма. Идея целостности, динамического единства любого объекта, который может быть в силу этих характеристик назван организмом, требовала рассматривать его как систему, требовала исследования органической взаимосвязи между составляющими целостность структурными элементами. Отсюда, российские органицисты диалектически решали некоторые философские проблемы, например, проблему взаимосвязи отдельного предмета и мира в целом. Эвристическая ценность органического миропонимания состояла не только в видении мира как взаимосвязанного целого, но и как развивающегося. Развитие в органицизме понимается фактически в смысле эволюции. С одной стороны, органицизм предложил диалектическую идею саморазвития, ибо именно этот процесс характеризует организм, с другой, - опять-таки по аналогии с организмом, развитие означало эволюцию того, что было заложено в этом организме. Вместе с тем, русский органицизм подхватил плодотворную мысль Лейбница и Шеллинга о развитии мира как восходящем движении от низшего к высшему.

Еще один типологический признак органицизма – динамическое видение мира. Мир, согласно органицистам, состоит из естественных тел, обладающих различными степенями активности, жизненности. Материи изначально присущи силы, главная из них – движение. В органицизме мир предстает как процесс. Как объясняется этот активизм? В целом органицизму свойственен принцип «всеобщности жизни» или «всеобщей одушевленности». Органицизм и возник в основном как попытка натурфилософского осмысления развития живой материи.

Представители органицизма придерживались принципа иерархического устройства мира. Если мир подобен сложному организму, то в нем, согласно отечественным органицистам, есть части более и менее важные для существования организма, т.е. ими признается структурная и функциональная дифференциация отдельных частей, органов, составляющих единое целое. Индивидуальные организмы, составляющие целостный организм природы различаются по степени целостности, жизненности, совершенству, сложности. Взаимоотношения между ними строятся по иерархическому принципу. Менее совершенное, низшее включается в более совершенное и подчиняется высшему.

Понимание мира как организма предполагает телеологический взгляд на него, так как у каждого органа в целостном организме свое место, каждый из них выполняет свою функцию. Телеологизм присутствует у русских органицистов XIX века, но на идее целесообразности органицисты-натурфилософы обычно не делали акцента. Телеологический подход с развитием естествознания менял у них форму, постепенно сходя на нет. Ведь бытие отдельного целостного явления рассматривается у них по аналогии с организмом. Как писал Вл. Карпов, «бытие отдельного индивидуума представляет из себя нечто законченное – известный “цикл развития” ..., в котором мы различаем: начало, рост, процветание, упадок, уничтожение»¹¹. Снова видим, насколько метод аналогии вытекает из самой сути органицизма.

Органицистская натурфилософия предполагает определенную метафизику. Эта мысль идет опять-таки от Лейбница, который считал, что наука о природе имеет метафизический фундамент. Он утверждал, что динамика исследует взаимодействие

¹⁰ Там же, с. 341.

¹¹ Вл. Карпов. Основные черты органического понимания природы. М., 1913. С. 57.

сил, а сущность силы как таковой может раскрыть только метафизика. Она отвечает на последние вопросы бытия.

Антропоцентризм – еще один принцип, который, на наш взгляд, может быть выделен в органицизме. Как отмечал В. Зеньковский, антропоцентризм является характерной чертой русской философии: «Русская философия не теоцентрична..., не космоцентрична..., она более всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории»¹². Тот же Зеньковский справедливо заключает, что из антропоцентризма закономерно вытекает идеал целостности как «одно из главных вдохновений русской философской мысли»: «Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа... Антропоцентричность русской философии постоянно устремляет ее к раскрытию данной и заданной нам целостности»¹³. Космо и антропоцентризм являются необходимыми элементами русского космизма, поэтому было бы справедливо отнести отечественных органицистов XIX века, если не к представителям русского космизма непосредственно, то хотя бы к предшественникам. В органицизме мысль о том, что человек – узел мироздания, отчетливо зазвучала у такого представителя этого направления, как А. Галич (Говоров) в работе 1834 года «Картина человека».

Отечественный органицизм характеризуется определенным решением проблемы соотношения цели и средств. Для механистического, односторонних аналитических, сайентистских подходов характерно разграничение, разведение этих компонентов. Органицизм берет их в единстве. В целостном едином организме, где все взаимосвязано, где части подчиняются, служат целому, цели и средства могут сосуществовать только таким образом, в противном случае организму грозит разрушение. Как известно, эта проблема очень остро и ярко была поставлена органицистом Ф. Достоевским.

Возникновение, формирование в России органицизма было непосредственно связано с проникновением в страну идей немецкой классической философии, прежде всего Шеллинга и его последователей – Л. Окена, К.-Г. Каруса. По мнению отечественных историков философии, интерес и симпатия, которую испытывала российская культура в 20-х – 30-х годах XIX века к Шеллингу, объясняется рядом причин. После Великой французской революции, войны 1812 года среди либерально настроенных образованных людей появляется предубеждение ко всему французскому и усиливается интерес к достижениям немецкой культуры. С другой стороны, победа в войне, приведшая к обострению национального чувства, актуализировала вопросы, имеющие отношение к самосознанию нации. Философия истории Гегеля, в которой не нашлось места для славянских народов, часто не устраивала российских мыслителей, пытавшихся осмыслить исторический путь России, как не устраивал их и гегелевский панлогизм. При осмыслении исторического процесса и места в нем России, русского народа их внимание привлекали элементы философии истории Шеллинга, в частности представление о том, что исторический процесс есть итог деятельности божественного провидения и активности людей. Вместе с тем, отрицая германофильство Гегеля, русские мыслители использовали его идею о том, что «план провидения» реализуется через взаимодействие «отдельных народных духов». Обращение к Шеллингу было вызвано также потребностью осмысления, обобщения достижений научного знания. Отсюда понятен интерес отечественных ученых к натурфилософии Шеллинга с ее пафосом создания целостного мировоззрения, охватывающего природный и человеческий мир.

¹² Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 16.

¹³ Там же. С. 17-18.

Кроме того, на развитие русского органицизма оказал влияние и немецкий романтизм. Возникновение романтизма в Германии было, как известно, связано с процессом самосознания немецкой нации, и поскольку перед Россией встала та же проблема самоопределения, то естественен был интерес отечественных мыслителей к этому направлению западноевропейской культуры. Романтизм привлекал и своим представлением о науке, объектом которой, согласно романтикам, должно было стать «вечное единство разума и природы, всеобщее бытие всего конечного в бесконечном», всеобщая и вечная жизнь одушевленной вселенной, с которой человек слит в «непосредственном единстве созерцания и чувства».¹⁴ Русским ученым импонировала их критика «ньютоновской» науки, не способной, по мнению романтиков, понять человеческую жизнь, нравственность, не имеющую «живого чувства природы», в которой господствует одно лишь понятие, и где, как писал Шлейермахер, «вместо органического строения, механическое хитроумие» систем.

В России органицизм начинается в начале XIX века, он берет начало с работ Д.М. Велланского, профессора анатомии и физиологии Петербургской медико-хирургической академии, и А.И. Галича, профессора философии, логики и психологии Петербургского университета. Затем идеи органицизма развивались в творчестве М.Г. Павлова, профессора агрономии и сельского хозяйства Московского университета, В.Ф. Одоевского и Д. Веневитинова – членов кружка «любомудров». К органицистам принадлежали также Николай Иванович Надеждин, Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, почвенники (Ап. Григорьев, Н. Страхов, Ф. Достоевский). Идеи органицизма, на наш взгляд, плодотворно использовались Т.Н. Грановским, Н.В. Станкевичем, славянофилами, представителями философии всеединства, Н.О. Лосским, В.И. Вернадским, А.А. Богдановым. Органицизм был довольно долго популярен в России и у философов, и у натуралистов. Положившая ему начало диссертация Велланского была написана в 1805 г., но и в 1870-е гг. Н. Страхов справедливо пишет о популярности органического миропонимания. Например, А. И. Герцен, которого не относят к органицистам, употреблял органицистскую терминологию, рассматривал мир как органическое целое. Можно сказать, что влияние органицизма в его раннем творчестве было значительным.

Мыслители, стоявшие у истоков органицизма, вполне отдавали себе отчет во влиянии шеллингианства на формирование их мирозерцания. Это было понятно. В начале XIX века философия Шеллинга в Россия была очень популярна, поэтому давление шеллингианства на их творчество было достаточно сильно. Вместе с тем можно отметить, что от мыслителя к мыслителю росла самостоятельность творчества русских органицистов. Уже у Велланского и Павлова заметна некоторая разница в их отношении к своему учителю. Велланский следовал ему строже всех, будучи первым шеллингианцем, причем это следование им понималось, по его же словам, как развитие «собственных способностей» под воздействием «оригинального примера» Шеллинга. Но и он сохранял некоторую самостоятельность. Современник Велланского Т. Штюмер отмечал, что восприняв натурфилософию Окена, «передавая ее верно», Велланский «обогастил» это учение «собственными идеями». Например, у Велланского в «Биологическом исследовании природы...» отсутствует теологическое введение, содержащееся в описываемой им океновской работе. В отличие от Окена он уделяет внимание антропологической проблематике. Павлов критически подходит к некоторым идеям немецких ученых. В частности им критикуется теория света Шеллинга – Окена.

В творчестве Велланского и Павлова основными проблемами оказались проблемы онтологии, которые фактически совпадали с проблемами натурфилософии, и гносеологии. И Велланскому, и Павлову присущи синтетические интенции,

¹⁴ Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи. Киев, 1994. С. 84.

характерные для органицизма в осмыслении мира, природы. Оба они в своей натурфилософии рассматривают мир как единое целостное образование. Развивая принцип всеобщности жизни, Велланский и Павлов проводили идею единства живой и неживой природы. Причем *единство мира у них не исключало его многообразия*. Если у Велланского находим грубую, прямую аналогию между живой и неживой природой, то в дальнейшем аналогии у органицистов становятся все более тонкими, близкими к научным. В отечественной философии науки метод аналогии в целом оказался слабо разработанным и органицизм внес определенный вклад в его разработку.

Для естествознания того времени была важна идея всеобщей связи, которая вытекала из представления о мире как едином целом и которую, следуя шеллингианцам, утверждали в своих работах первые российские органицисты. Естественные тела, писал Павлов, «непрерывно действуют одно на другое» и «перемены в их состоянии» потому и происходят, что предметы находятся «во взаимной связи». Принципы единства и взаимосвязи в методологии научного познания претворялись у них в проведении идеи единства внутри каждой науки и наук в целом, их взаимосвязи, субординации в рамках системы научного знания. В контексте шеллингианства вслед за учением о единстве и взаимосвязанности мира в работах Велланского и Павлова логично появляется мысль о существовании единой закономерности в мире. Оба мыслителя следовали за Шеллингом в принятии принципа противоречивости сущего. В отечественную натурфилософию ими вводился вариант динамической концепции мира. Они первыми в России выступили с критикой механистического атомизма. Так, например, в «Основаниях физики» Павлов, верно обращая внимание на слабости механицизма, писал, что данная форма атомизма не может объяснить источник движения атомов, переход материи неощущающей к живой, многообразие мира и т.д. Отметим, что Павловым в отечественную науку приносилась идея о том, что «способность организовываться имеют все тела», но в разной степени. Думается мысль созвучна современным идеям синергетики. Если в отношении Велланского у историков науки существуют различные оценки его вклада в учение об эволюции, то в оценке Павлова и историки русской философии, и специалисты по истории естествознания в России согласны в том, что «Павлов сыграл значительную роль в ассимиляции на русской почве идеи развития...».¹⁵

В гносеологии Велланский и Павлов, в согласии с органицизмом, обращают внимание на необходимость единства умозрения и эмпирического исследования, правда, приоритет безоговорочно сохраняется за первым, за что они оба подвергались заслуженной, довольно резкой критике некоторых отечественных ученых. В работах Павлова появляется тема практики. Наука – не только теория, она имеет практическое назначение. Человеческое существо понимается не только как познающее, но и как практическое: человек «не мог остаться изумленным только зрителем», он существует за счет преобразования природы. Приобретая знания о природе, по его словам, «человек доходит до возможности распространять свое владычество над вещественным миром». (Отметим созвучие данной мысли Павлова с идеями, содержащимися в русском космизме).

На наш взгляд, несомненна заслуга обоих мыслителей органицистов в разработке методологии науки. Исследование гносеологических проблем у них было непосредственно подчинено практическим познавательным целям. Разработка теории познания, методологии была нужна им как подспорье для научной и практической деятельности, например, в сфере медицины для Велланского или в сельском хозяйстве для Павлова. Последний как органицист закономерно обратился к проблеме взаимоотношения физиологического и психического в человеке, души и тела.

¹⁵ Каменский З.А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., 1980. С. 183.

Несмотря на то, что эволюционистские идеи не проводились первыми российскими органицистами последовательно, например, сочетались с утверждениями в духе библейского креационизма, онтологические и натурфилософские воззрения содержали противоречия, были наполнены, что было характерно для натурфилософии того времени, произвольными, часто фантастическими построениями, в целом их творчество, по нашему мнению, имело прогрессивное значение для развития отечественной науки и философии. В частности, потому, что это был путь от натурфилософии к теории науки. Ими настойчиво проводилась мысль о единстве философии и естествознания, умознания и эмпирии.

Если в работах Велланского и Павлова очень заметно влияние теологической стороны учения Шеллинга, то в дальнейшей эволюции органицизма оно постепенно ослабевало, все большее значение играл естественнонаучный фактор, особенно в натурфилософии. Исследовательское поле, охватываемое органицистской методологией, расширялось. Оно включало не только натурфилософию, методологию научного познания, но и философскую антропологию, психологию, эстетику, социальную философию, историю философии.

Творчество профессора философии, логики и психологии, работавшего, как Велланский, в Петербургском университете, А.И. Галича (1783-1848) подтверждает данную мысль. В его взглядах явно проявляется влияние шеллингианства, однако видно и несходство. В.В. Зеньковский, например, считал, что Галич не был шеллингианцем. В своих основных работах «Опыт науки Изящного» и «Картина человека» он проявляет себя во многом как самостоятельный мыслитель, обращаясь к проблемам философской антропологии, психологии. В его воззрении находим ряд типологических признаков органицизма: единство мира, его динамизм, упорядоченность, всеобщая взаимосвязь, определяющиеся в конечном счете верховным разумом, который нередко именуется богом, но понимается как всеобщее творческое начало. Заслуживает внимания его концепция человека. Последний предстает в ней как высшая ступень развития природы, ему предшествовали менее совершенные «пробные создания». Человеческое существо не случайно в мире, занимает в нем особое место. Человек, по Галичу, - средоточие телесного и духовного, в нем слились все «силы и стихии природы», все «радиусы мироздания», он - центр мира. Эту антропоцентрическую идею подхватит другой органицист, Н. Страхов, представители русского космизма.

Органицистская установка на рассмотрение человека в его целостности обращала Галича опять-таки к исследованию проблемы взаимодействия психического и физиологического в человеке. Проводя мысль о взаимодействии двух процессов, философ предлагал ученым учитывать связь двух наук – психологии и физиологии. К исследованию этих вопросов позже обратится Н. Страхов. Сама по себе разработка данной проблематики - также несомненная заслуга органицизма. Он стимулировал устойчивый научный интерес к данной проблеме в нашей стране. В отношении человека Галичем предлагалась замечательная идея, опережавшая свое время, о всестороннем развитии личности. Думается, она появляется не случайно именно в рамках органицистской парадигмы, которая предполагает рассмотрение человека как целостного существа.

Галич написал одну из первых в России работ по эстетике, оказавшую влияние на разработку теоретических проблем искусства другим органицистом – Н.И. Надеждиным, чье эстетическое воззрение стало предметом интереса для Белинского. К слову сказать, Белинский испытал воздействие органицизма Велланского и Павлова. Кроме того в кружке Станкевича он познакомился с идеями Шеллинга. В ранней работе «Литературные мечтания» (1834 г.) мир описывается Белинским «как дыхание единой вечной идеи», как абсолютное единство в бесконечном многообразии. Им воспринята идея развития природы, характерная для органицизма. Мир, утверждал

Белинский, целостен и гармоничен. Общество рассматривалось при этом как живой социальный организм.

Рецепцию идей органицизма находим (в ранний период его творчества) у Н.В. Станкевича, на чье мировоззренческое становление также оказали влияние Павлов и Надеждин, обратив его к наследию Шеллинга. Для этого отечественного мыслителя характерна органицистская интенция к целостному восприятию мира и жизни. По его словам, он хотел видеть связь каждого явления с жизнью целого мира, учился у Шеллинга связывать разные стороны бытия в живое целое. Идея целостности была вдохновением и для главы кружка Любомудров В.Ф. Одоевского, который, обучаясь в московском университетском пансионе, испытал воздействие Павлова, своего воспитателя, шеллингианца И.И. Давыдова, а так же немецких романтиков. Но из немецких авторов ранее всего Одоевский познакомился с работами Л. Окена, затем к знакомству с ними приступил другой представитель «любомудров», Д. Веневитинов. Как признавал глава кружка, он учился у Окена применению натурфилософского метода к разным областям человеческого знания, в сфере религии, этики, эстетики. Любомудры подхватывают основную синтезаторскую тенденцию творчества Велланского и Павлова в философии науки, продолжая обосновывать в частности идею необходимости единства истинной философии, т.е. Любомудрия, и естествознания, убеждая нас, в частности, в том, что самым надежным средством против односторонности образования служит «изучение наук более общих». Вместе с тем у Любомудров и Станкевича предметом философской рефлексии оказываются прежде всего проблемы истории, культуры, эстетики, а не натурфилософии и гносеологии, как это было у Велланского и Павлова. Как отмечает В. Зеньковский, «Одоевский впервые в русской философии высказывает столь частую в дальнейшем мысль о целостности в человеке, как идеальной задаче внутренней работы»¹⁶, мысль, характерную для русского органицизма. В «Русских ночах» Одоевский актуализирует проблематику, которая будет разрабатываться славянофилами. Он пишет о духовном оскудении Запада, потере почвы под ногами западного человека, который в своей односторонности погрузился в вещественные выгоды и забыл о так называемых «бесполезных порывах души». Им высказывается вера в то, что Россия спасет душу Запада, выделяется такая духовная русская черта, как «всеобнимаемость», которая напоминает нам мысль о «всемирной отзывчивости» русского народа у Достоевского. Любомудры сыграли значительную роль в движении идей органицизма в России 20-30-х гг. У них появляется мысль о необходимости цельного знания, цельной истины; в их историософии мы находим идеи, созвучные представлениям, которые будут развиваться в 40-х годах славянофилами, тем более, что в кружок Любомудров входил, как известно, молодой И.В. Киреевский.

Российский органицизм интересен, на наш взгляд, тем, что он демонстрирует характерный пример взаимодействия русской и западной философской мысли. Несмотря на то, что первые отечественные представители органицизма во многом прямо следовали Шеллингу, даже их нельзя назвать эпигонами, слепо повторявшими учение этого немецкого мыслителя. Заслуга отечественных органицистов состоит в том, что они увидели, сумели адекватно оценить, развить именно то, что являлось, как показало время, достижениями немецкой философии. Это было именно развитие. В дальнейшем отечественные мыслители все в большей степени проявляли самостоятельность, развивая органицизм. В западной философской культуре ими бралось только то, что представлялось им ценным, соответствовало их интеллектуальным, а также и социальным запросам.

Необходимо заметить, что в развитии идей органицизма сыграло роль не только взаимодействие с западной мыслью, ученичество, но и достижения предшествующих

¹⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Часть 1. С. 152.

периодов русской культуры. Вспомним, в решении проблемы взаимоотношения мира и человека, занимающей важное место в органицизме, внесли заметный вклад, например, А. Радищев, И. Якушкин. Не следует забывать и то, что дала древнерусская философская мысль в осмыслении особенностей исторического пути России. С. Хоружий справедливо отмечает, что «с самого своего зарождения русская философия стоит в русле одновременно двух потоков, испытывает два рода воздействий: российской культурной истории и европейского философского процесса»¹⁷. По его мнению, элементы органического мировоззрения есть уже в христианском платонизме отцов Церкви, в известной концепции «зародышевых логосов», образующих начал вещей мира. Поэтому в творчестве русских мыслителей не было слепого копирования, ортодоксального следования идеям западноевропейских мыслителей. Чтобы увидеть оригинальное развитие идей западных философов в трудах русских мыслителей, необходима очень внимательная, кропотливая работа с источниками, с текстами, хорошее знакомство с биографией исследуемых авторов. При поверхностном знакомстве с ними возникает иллюзия вторичности, заимствования. Отсюда делается ошибочный вывод о неоригинальности русской философской мысли вообще.

Результатом творческого взаимодействия с европейской культурой стало учение славянофилов, в трудах которых идеи органицизма получили дальнейшее и притом оригинальное развитие. Одной из причин активного обращения к органицизму славянофилов была драстично стоявшая в российском общественном сознании в 40-50-х гг. проблема национальной самоидентификации, выбора дальнейшего пути развития России в сравнении с Западом. Методологические установки органицизма позволяли обосновать самобытность страны в ответ на вызов, брошенный Чаадаевым и западниками. Концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского возникла в рамках органицизма как продолжение изучения проблемы самобытности России, проблемы, поставленной еще в трудах Илариона Киевского, старца Филофея, старших славянофилов, почвенников.

Обращение русских мыслителей к изучению трудов отцов восточной церкви, святоотеческой литературы в сочетании с уже жившими философскими идеями органицизма имели следствием появление мировоззрения, мироотношения в котором кардинальными идеями были идеи органической цельности духа, органического развития культуры. Следует заметить, что сам органический подход не является предметом рефлексии у славянофилов, но используется ими в решении важнейших для них проблем.

На наш взгляд, истоки идеи целостности, стратегической для органицизма, у старших славянофилов, с одной стороны, определяются специфическими чертами православной духовной традиции, лежат в особенностях исторического развития страны, с другой, – они усматриваются во влиянии некоторых идей Шеллинга. Последнее – пример избирательного отношения русских мыслителей к западноевропейской философии. Славянофилы обратили внимание на одну из кардинальных установок немецкого философа – понять мир как целостный организм, как единство, не исключающее многообразия. Им оказалась близка предложенная Шеллингом мысль, о том, что задача философии выделить божественное, т.е. единое начало, в «наличном бытии всех существ». У Шеллинга они взяли понятия «организм», «органическое развитие». Но концепт целостности имеет прежде всего национальные истоки. Социальной основой этой идеи была история самой страны. Срединное ее положение, необходимость «собрания русских земель» для защиты от внешних врагов вырабатывало в духовной культуре народа примат идеи целостности, единства народа, народного духа. Характер географических условий диктовал появление, развитие

¹⁷ Хоружий С. С. Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 33.

общинной формы земледелия, которая предполагала приоритет коллективности по отношению к индивидуалистическому началу. Идея целостности имеет генезис, как отмечают историки русской философии, и в основах православия, к изучению которых обратились Киреевский и Хомяков. Для православного христианства характерен онтологизм в понимании истины. Истина - не только результат познания, но и «жизнь в истине». Как известно, для древнерусской философской мысли уже при ее формировании была характерна ориентация на единство, связь с жизнью. Предпосылкой рассматриваемой идеи было и свойственное православию представление о человеке как имеющем тело, душу и дух, где телесная и душевная жизнь подчинены духовной. Таким образом, идеал целостности славянофилов был органичен характеру национального мышления и культуры.

Славянофильская концепция целостности включала в себя идею органической целостности церкви, общества, человека, процесса познания. Эта целостность осуществляется, по мысли славянофилов, и в сфере воспитания и практической деятельности людей. Представляя «коренные отличия» западного и русского человека, Киреевский приходил к выводу, что первый и в своем сознании, и в своей внешней деятельности раздроблен, односторонен, им утеряна цельность. «В одном углу его сердца живет чувство религиозное, ... в другом – отдельно – силы разума и усилия житейских занятий; в третьем – стремления к чувственным утехам; в четвертом – нравственно-семейное чувство; в пятом - стремление к личной корысти; в шестом – стремление к наслаждениям изящноискусственным; и каждое из частных стремлений подразделяется еще на разные виды, сопровождаемые особыми состояниями души, которые все являются разрозненно одно от другого и связываются только отвлеченным, рассудочным воспоминанием»¹⁸. Киреевским фактически описывается человек, как он представлен в современной ролевой теории личности. В качестве идеала предлагается целостная личность, у которой все силы души собраны в одну силу: и вера, и разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и справедливое, и любовь, и весь объем ума сливаются в одно живое единство, и таким образом восстанавливается личность в ее «первозданной неделимости». Целостная истина, целостное знание, по мнению славянофилов, доступны только целостной личности. Они остро поставили вопрос об ограниченности рационального, к которому сводился научный способ постижения истины. В процесс познания человек «входит всем существом», а значит, в нем участвует не только разум, рассудок, но и нравственная сторона личности, а точнее все стороны. Таким образом, органицизм дал возможность осмыслить процесс познания в его реальности, ибо познает не разумный или чувствующий человек, как это мыслилось в рационализме или сенсуализме, а реальный человек. Заслугой славянофилов было то, что они попытались показать реальное органическое единство рационального познания с внерациональными формами освоения человеком действительности, связь гносеологии с моралью. Именно русские мыслители обратили внимание на то, что логическое мышление ценностно и этически нейтрально. Сам по себе разум, как предостерегает Киреевский, дает лишь отвлеченное знание, которое может «быть одинаково употреблено на пользу и на вред, на служение правде или на подкрепление лжи»¹⁹. Причем истинное знание, с их точки зрения, доступно не отдельному человеку, а соборному сознанию. Учение А.С. Хомякова о соборности так же предполагает органический подход. Соборность, по Хомякову, – органическое единство.

Ставя проблему самобытного развития России, славянофилы исходили из органического взгляда на процесс развития, понимая его фактически так же, как Шеллинг в своей натурфилософии: как развитие, постепенное наращивание «в зачатке

¹⁸ Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 229.

¹⁹ Там же, с. 158.

уже предпосланного», развертывание того, что имелось в самом начале. У Киреевского и Хомякова исторический процесс предстает поэтому как органическое развитие заложенных с начала истории исконных «начал». «Все настоящее имеет свои корни в старине», - писал Хомяков. Общественная жизнь России, ее институты в отличие от западных рассматривались ими как естественно, органически возникающие и вырастающие. Конечно, таким выросшим органическим институтом являлась, с их точки зрения, община, которую они идеализировали. Она – союз личностей, основанный на внутреннем единстве и согласии. Культура, в том числе и философия, также развивается органично из «источных» самобытных начал. Поэтому культура каждого народа есть некая органическая целостность, обладающая собственным своеобразием. У старших славянофилов уже есть, таким образом, наметки идеи культурно-исторических типов, которые еще более ясно проглядывают у почвенника Ап.А. Григорьева, автора «органической критики». «Развиваются, - писал Григорьев, - ... народные организмы, нося в себе следы более или менее отдаленной принадлежности к первоначальному единству рода человеческого, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. ...Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого...»²⁰. Таким образом, становится понятно, что теория культурно-исторических типов Н. Данилевского явилась закономерным результатом развития органицизма применительно к проблеме исторического развития.

Идеи, развивавшиеся старшими славянофилами в духе органицистской парадигмы, и прежде всего идея целостности, были подхвачены и получили развитие у крупнейшего отечественного философа, В. Соловьева, многих представителей русского религиозного ренессанса XX века. В своей философии всеединства Соловьев определяет истинное или положительное всеединство как «такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное всеединство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотою*; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как *полнота бытия*»²¹. Огромное значение, как известно, для Соловьева других представителей философии всеединства имела развивавшаяся ими идея «цельного знания». И в 1951 году (что свидетельствует об актуальности этой идеи) И.А. Ильин в своей работе «О Русской идее» обращается к этой замечательной концепции: "Рассудочная наука, не ведущая ничего кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука *духовно-слепая*: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках, и бессильна подняться к *созерцанию целого*. Русский же ученый призван созерцать жизнь природного организма; ... зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою правовую интуицию; *видеть* целостный экономический организм своей страны; *созерцать* целостную жизнь изучаемого им языка; врачебным зрением *постигать* страдание своего пациента»²².

Современные исследователи оценивают русский органицизм не так однозначно. Пожалуй, наибольший крен допускается в негативную сторону, хотя очевидно, что весь комплекс органических идей весьма многообразен и функционален. Во всяком случае, оценка организма русской мысли как опасного для сегодняшней России выглядит преувеличением²³.

²⁰ Григорьев Аполлон. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 2. С. 27-28.

²¹ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 552.

²² Ильин И.А. Собр. соч. в 10 тт. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 429-430.

²³ Скэнлан Дж. П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии, 1994, № 1, с. 65.

На наш взгляд, примером плодотворности органического подхода является творчество ныне почти забытого отечественного мыслителя Николая Николаевича Страхова (1828-1896). Он не принадлежит к кругу выдающихся русских философов, тем не менее, его философскую мысль можно назвать самобытной. Страхов имел профессиональное биологическое образование, хорошее знакомство с философией, прежде всего с немецкой классической, было результатом самообразования. Чувствуя, естественно, некоторую неуверенность в обосновании своих философских воззрений, Страхов обращался к идеям известных мыслителей, к их авторитету. Но мыслитель никогда никого слепо не копировал, он воспринимал только то, что соответствовало его собственным представлениям; происходило соответствующее переосмысление того материала, к которому он обращался.

В результате возникло мировоззрение, которое историкам философии трудно соотнести с тем или иным учением, направлением, поэтому мы находим очень разные оценки Страхова как философа. Конечно, одной из причин противоречивости оценок является приписывание Страхову старшему работ его младшего современника, полного тезки, Н.Н. Страхова (1852-1928)²⁴. Но дело не только в этом. Противоречивые оценки звучали сразу после смерти мыслителя, и еще при жизни его призывали «выбросить знамя», заявить о своей принадлежности к определенному философскому лагерю. В философском отношении Страхов оценивался как неокантианец, левый или правый гегельянец, как представитель религиозно-мистического направления. Чаще всего мыслителя причисляли к последователям Гегеля, на основании того, что субъективно он сам определял себя как сторонника гегелевской философии. Однако исследование его философского наследия не позволяет отнести Страхова к гегельянкам.

Представляется, что трудности с оценкой мировоззрения данного философа отчасти вызваны невниманием исследователей к органицизму как направлению русской мысли. Следует особо обратить внимание на органическое понимание мира, разработанное Страховым, ибо, на наш взгляд, это - ключ к пониманию философского творчества этого оригинального мыслителя. Страхов, как и все отечественные мыслители того времени, не создал системы взглядов. Но целостность в его философских воззрениях есть. Состоит она в этом органическом понимании мира. Оно последовательно проводится Страховым фактически во всех разделах философского знания, к которым он обращается.

Судя по содержанию философских воззрений отечественного мыслителя, шеллингианство является важнейшей предпосылкой его философского творчества. Тем не менее, если, например, его друг Аполлон Григорьев отмечал влияние Шеллинга и на русскую культуру, и на собственное творчество, то Страхов в статье «Органические категории» обращается к Гегелю как авторитету в этой области мысли и предшественнику. Обосновывая органический подход и свою «идею организма», Страхов указывал, что органические категории, которые он противопоставляет механическим, появились из немецкой философии. Гегеля, по его мнению, отличает органическое понимание историко-философского процесса, в котором развитие мысли есть органический процесс. Это понимание, как считал Страхов, следует перенести на другие сферы действительности. Органическое развитие понимается им в гегелевском смысле: это процесс саморазвития, совершенствующееся самосозидание, переход от низшего к высшему, где низшая ступень производит из себя высшую. Мыслитель согласен с Гегелем, что развитие – необходимый, имманентный процесс. Таким образом, можно констатировать, что для Страхова как органициста характерно

²⁴ См. об этом: Снетова Н.В. Философское творчество Н. Страхова в оценке русских мыслителей// Русская философия XX века: национальные особенности, течения и школы, политические судьбы. Екатеринбург, 2000; Снетова Н.В. Н.Н. Страхов: начало интеллектуальной биографии// Актуальные проблемы современной социальной науки. Пермь, 2001.

диалектическое понимание развития. В его творчестве жизнь отождествляется с развитием.

Однако при этом согласиться с утверждением самого мыслителя, что он в своих исследованиях опирается на гегелевский метод, на наш взгляд, нельзя. Во-первых, потому что в социальной философии он не применял понимание развития как движения от низшему к высшему, критиковал «прогрессистов». Критика содержала ряд справедливых замечаний по отношению к расхожему представлению о прогрессе, в целом Страхов не принял диалектических идей Гегеля, применяемых к трактовке социального развития. Это было закономерно, ибо такое понимание истории не вписывается в логику органицизма. Для нее характерен подход, который обозначается в трудах старших славянофилов (И. Киреевского и Хомякова), отчетливо звучит в работах Ап. Григорьева и уже в уже упомянутой работе Н. Страхова «Органические категории». Этот подход будет развернуто представлен в работе друга Страхова Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», которую Страхов будет переиздавать несколько раз. Думается, не случайно Страхов, хорошо знавший гегелевскую философию и высоко ее ценивший, не называет приведенное гегелевское понимание развития диалектическим, а именует его органическим. Из гегелевского диалектического понимания развития вытекает вполне определенная трактовка истории как единого закономерного процесса, прогрессивного движения общества от неразвитого состояния к более совершенному.

Органическим назван подход, предлагаемый Страховым, прежде всего потому, что мыслитель рассматривал то или иное явление, целостное образование по аналогии с организмом. Согласно этому органическому пониманию, как писал Страхов, народ, нацию (культуру, государство, семью, армию, школу и т.д.) следует рассматривать как органическое целое, организм, все элементы которого органически взаимосвязаны. Каждое целостное явление, как всякий организм, развивается само из себя, на собственной основе, ибо внутри себя содержит изначально силу, дающую ему развитие, и закон, по которому оно изменяется. Следовательно, органическое развитие – это развитие собственной основы, собственных начал жизни. Результатом будет то, что каждая целостная система, например, народ, нация, является замкнутым миром.

Страхов видит положительную сторону органического понимания действительности в том, что оно лишено односторонности, в отличие от распространенных представлений о социальном развитии как прямолинейном процессе. Как и организм, по мнению Страхова, любые органические образования зарождаются, переживают период расцвета, упадка, гибели. Они заражаются, болеют, вырождаются, выздоравливают. Отметим, что мыслитель, знакомый с гегелевской диалектикой понятий, как бы не замечает, что, с точки зрения диалектики, понятие «прогресс» внутренне противоречиво, не предполагает прямолинейного развития. Он сам не раз писал, что категории, понятия не виноваты в том, что их дурно применяют.

С таких методологических позиций органической концепции Страхов и рассматривает проблему исторического процесса, историю культуры. Хотя, отвечая на критическую статью Вл. Соловьева, мыслитель обращает внимание на то, что организм в его концепции только аналогия, однако, как это обычно бывает в действительности, и Страхов и Данилевский слишком сближали организм и всякие другие целостные образования, которые они исследовали. В результате специфика последних не учитывалась, в частности, игнорировались собственные закономерности развития социальных образований. Возникла парадоксальная ситуация. Сам Страхов очень много сделал для критики механицизма, редуccionизма, что составляет несомненную заслугу его философского творчества. Однако, борясь против односторонних подходов, редуccionизма, он фактически встает на редуccionистские позиции, сводя социальные закономерности к закономерностям функционирования организма.

Во-вторых, очень высоко оценивая Гегеля, определяя диалектику как умение оперировать понятиями, Страхов и при таком суженном понимании диалектики

фактически не употребляет диалектического анализа понятийного мышления. Он сводится у него скорее к стремлению точно определить, разграничить, классифицировать понятия в духе формальной логики. В-третьих, русский философ, как и Фейербах, не принял гегелевского учения о противоречии, считая его деструктивным фактором. Таким образом, мы видим, что отечественный мыслитель самостоятелен по отношению к гегелевской философии и не принимает те идеи, которые не соответствуют его собственным мировоззренческим представлениям.

Если пытаться дать оценку философского творчества Н.Н. Страхова, определить место его в истории отечественной философии, то, с нашей точки зрения, его философия может быть названа органической. В истории философской мысли нашей страны деятельность этого ученого может рассматриваться как продолжение, развитие идей предшествующих российских органицистов – Д. Велланского, А. Галича, М. Павлова, Ап. Григорьева. Обобщая новейшие открытия естествознания, осмысливая современные ему социальные явления, он представил органическое понимание мира, процесса познания, очень много сделал в разработке методологических проблем естествознания. Интересные идеи были им предложены, например, в антропологическом учении. Используя потенциал «органического понимания» он, опережая свое время, одним из первых обосновал идеи, соответствующие гуманистической тенденции в системе образования. Тем самым Страхов внес несомненный вклад в становление отечественной теоретической педагогики.

Применяя свойственный органицизму антиномический способ анализа, Страхов в своих работах, с одной стороны, убедительно доказывает, что человеческое существо - максимально развитый организм, вершина органического мира, с другой, то, что человек не есть животное. Мыслитель, по сути, понимает человека как социальное существо, хотя соответствующие термины отсутствуют. В отличие от животных человек разумное, познающее мир, нравственное, способное к эстетическому восприятию жизни существо, царь природы, центр мира. По мысли Страхова, к сущностным свойствам человека относятся также способность к саморазвитию, отсутствие раз и навсегда заданной природы. Ребенок рождается человеком в потенциальной возможности, в ходе развития он им становится. Страхов фактически говорит о процессе социализации. Отсюда ясно, что еще одним сущностным свойством человека является деятельность, человек – деятельное активное существо.

Органическое понимание человека Страховым противостоит материалистической концепции революционеров-демократов, которые делали акцент на социальных детерминантах человеческого существования и развития. Н.Г. Чернышевский подчеркивал связь просвещения, образования, воспитания с материальным положением народа, человека. Страхов из своего органического подхода делает логически закономерный вывод применительно к сфере этики и педагогики. Среда, по его мнению, не оказывает на человека решающего влияния, человек способен ей противостоять.

Величайшей ошибкой современной немецкой психологии Страхов считает представление, что содержание души - совокупность всех произведенных на душу влияний. В этой концепции не учитывается, что в душе может существовать такая твердая точка или твердая ось, которая является неизменной и сама определяет все влияния. Согласно Страхову, душевная жизнь имеет глубокую и таинственную основу. Этот факт, по его мнению, не учитывается современной, психологией. Душа – есть высочайший и благороднейший из всех предметов природы, она должна служить мерилем всех других явлений, а не наоборот. Неверной, по убеждению мыслителя, является концепция души, представляющей ее как чистую доску или музыкальный инструмент. Подходя к этому удивительному явлению с точки зрения «идеи организма», ее можно уподобить по меньшей мере растению. Есть возможность известным образом влиять на рост растения, но этому влиянию есть границы, притом

такие, что самое существенное в живом организме оказывается независимым от всяких влияний.

Интеллектуальная история русского органицизма содержит интересную, на наш взгляд, проблему взаимовлияния идей двух мыслителей – Н. Страхова и Ф. Достоевского. Обычно констатируется идейное влияние всемирно известного писателя на первого. Думается, это упрощенная точка зрения. Ведь философские идеи, проблемы, представленные в творчестве Достоевского, не существовали в его сознании изначально, они имеют какие-то предпосылки, источники, свою историю. Следует отметить, что это влияние Страхова на Достоевского признается многими исследователями. При всей недоброжелательности отношения к Страхову, которую демонстрирует в своих работах по Достоевскому В. Кирпотин, тем не менее, и он отмечает: «во многих чрезвычайно важных положениях Достоевского, выраженных не только в публицистической форме, но преломившихся и в творчестве, легко найти следы заимствования у Григорьева, у Страхова».²⁵ Влияние Страхова на Достоевского признается, например, А. Долининым, Р. Лаутом, Д. Чижевским²⁶. С. Левицкий в статье, посвященной Страхову, отмечает, что отношения между Достоевским и Страховым заслуживают специального исследования.

Они знакомятся в 1860 году, участвуя в литературном кружке А.П. Милюкова. Федор Михайлович только что вернулся из ссылки. К этому времени Страхов опубликовал ряд статей: «Об атомистической теории вещества», три статьи под названием «Письма о жизни». Кроме того, была опубликована небольшая, но важная для понимания интеллектуальных взаимоотношений двух друзей критическая статья «Очерки вопросов практической философии П.Л. Лаврова»²⁷. В них фактически была сформулирована его органическая концепция, «идея организма», центральная в философии Страхова.

Как известно, Ф. Достоевский пережил коренной переворот в своем мировоззрении, процесс «перерождения убеждений». Страхов выделил в творчестве писателя два периода; второй, по его мнению, начинается с «Записок из подполья». Те же периоды позже выделяются почти всеми исследователями творчества Достоевского. Многие авторы отмечают, что процесс перерождения начался у него еще на каторге. Писатель обращается к православию. Однако это не означает, что процесс тем и завершился. Представляется, он был достаточно сложен и тяжел для писателя, так как речь шла о коренном изменении. «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», печатавшиеся в 1860-1861 годах, в целом по философским взглядам все-таки относились к прошлому периоду жизни и творчества автора. Замечания Страхова в «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» по поводу взглядов и пристрастий, имевших место в кружке А. Милюкова, к которому он присоединился, говорили о том, что Достоевский, приехав из Семипалатинска, продолжал исповедовать теорию среды. Вместе с тем, по замечанию А. Долинина, были, «очевидно, в воззрениях Достоевского уже в то время какие-то стороны, которые не укладывались в господствующую теорию среды, начались какие-то колебания»²⁸.

И в этот момент, конечно, было важно, кто оказался рядом – достаточно авторитетный, обладавший устоявшимися философскими убеждениями и вместе с тем взглядами, как-то гармонизировавшими с внутренней мировоззренческой настроенностью Достоевского. Думается, сыграло роль и то, что последний был связан с Петрашевским, а тот являлся приверженцем органицизма. Это же мирозерцание исповедовал и Страхов. Именно Достоевский обратил внимание на статьи Страхова: видимо, идеи, в них представленные, импонировали ему.

²⁵ Кирпотин В. Достоевский шестидесятые годы. М., 1966. С. 21.

²⁶ Chizhevsky D. Dostoevskij und Strachov. // Zeitschrift fuer slawischen Philologie. X (1933); XIII (1936).

²⁷ Страхов Н.Н. Очерки вопросов практической философии П.Л. Лаврова. // Светоч, 1860. № 7.

²⁸ Долинин А. Ф.М. Достоевский и Н.Н. Страхов. // Шестидесятые годы. М.-Л., 1940. С. 240.

В упомянутой статье, посвященной анализу книги П. Лаврова, обращаясь к проблемам философской антропологии, он применяет органический подход к сфере этики. Причем, опираясь на идеи Фихте, Страхов утверждает: среда не оказывает на человека никакого влияния, человек способен ей противостоять. Он акцентирует мысль о том, что истинным двигателем человеческой деятельности являются идеи. «Необходимым образом воля подчинена только одному – именно идее свободы, идее неподчинения, самобытного и сознательного самоопределения». В неразвернутой форме он поднимает вопрос о свободе воли, ничем не детерминированной, самодостаточной; далее встают проблемы соотношения разума и воли, свободы выбора и нравственности человека. Идея самодостаточной воли (и в этом смысле свободной) выдвигалась Страховым как антитеза материализму, позитивизму, утилитаризму. Эти идеи перекликаются с концептами, получившими развитие у Достоевского в «Записках из подполья», произведении, которое критики рассматривают как пролог ко всем его последующим основным произведениям.

Затем, возможно, Достоевского привлекли мысли, высказанные Страховым при развитии идей органицизма в IX «Письме о жизни», написанном в феврале 1861 года. Оно названо «Содержание человеческой жизни». В нем автор в соответствии со своим органицистским мировосприятием постулирует идею о том, что жизнь не имеет никакой цели, кроме самой себя. Из жизни у человека «ничего не выходит, кроме жизни».²⁹ Позже в «Записках из подполья» Ф. Достоевский писал: цель на земле, «к которой человечество стремится, ...- в самой жизни»³⁰. Страхов, определяя человека как существо активное, деятельное, утверждает, что человек рождается человеком только «в возможности», поэтому ему еще предстоит стать человеком. Не перекликается ли этот тезис с идеей Достоевского о том, что в человека еще нужно «выделаться»? Кроме того, в этой же работе Страхов определяет жизнь как глубочайшую драму, ибо, с его точки зрения, жизнь – не только самоудовлетворение, но и саморазрушение, самонедовольство. Достоевский также понимает человеческую жизнь как драму. Мы находим у него героев, которые, в сущности, выражают ту же самую мысль: «кто сказал, что человек непременно стремится к счастью? Может быть, страдание для него выше всякого счастья?»

Еще пример переклички идей. Достоевский, представляя волю как самодостаточную, бесосновную, считал, что человеческая душа имеет целый ряд хотений - страстей, потребностей. Разум не охватывает всего человека, а хотение есть «проявление всей жизни»³¹. Страхов в том же «Письме» фактически обосновывает данную мысль. Душа – активное начало - ищет деятельности, так как человек по своей сущности деятельное существо. Жизнь человека, в сущности, отождествляется Страховым с «удовлетворяющимся стремлением», с «непрерывно насыщаемой потребностью». «Мы неутолимы и ненасытимы». Деятельность означает, что «пока есть задача, которая еще не решена, пока есть замысел, который не исполнен, пока есть цель, которая не достигнута, - до тех пор возможна деятельность. И, следовательно, муки души побуждают нас вперед, к неразгаданному, несовершенному. Они суть муки рождения».³² Эти идеи философской антропологии Страхова были выражены им в публикациях еще до того тесного интеллектуального общения с Достоевским, которое наступило после прихода первого в редакцию «Времени», поэтому, думается, они были использованы Достоевским.

В «Записках из подполья» автор развивает те же мысли, что и Страхов, делая акцент на иррациональности человека, на доказательстве того, что главное в человеке –

²⁹ Страхов Н.Н. Письма о жизни // Мир как целое. СПб., 1892. С. 181.

³⁰ Достоевский Ф.М. Записки из подполья// Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1972-1990. Т. 5. С. 118.

³¹ Там же. С. 115.

³² Страхов Н.Н. Мир как целое. СПб., 1892. С. 188.

«самостоятельное хотение». Как бы повторяя на свой лад слова Страхова, Достоевский вкладывает в уста героя сентенции, что человек – животное деятельное, подобно шахматисту, «любит только один процесс достижения цели, а не самую цель». Возможно, что цель, к которой стремится человечество на земле, заключена в самой жизни – об этом читаем мы в повести. Можно было бы найти еще много совпадений в мыслях Достоевского и Страхова. Отметим еще одно. Для органицизма, в отличие от механистического мировоззрения, характерно решение проблемы соотношения цели и средств таким образом, что они рассматриваются только в единстве. В ранних публикациях в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» Страхов представляет эту точку зрения. Известно, что в зрелых произведениях Ф. Достоевского данная проблема зазвучит особенно ярко и остро.

Таким образом, думается, можно констатировать, что Достоевский, не будучи, по его собственному признанию, силен в философии, во взглядах Страхова находил философское основание и подкрепление своих идей.

Другой друг Н. Страхова, Н. Данилевский, используя методологию органицизма создал оригинальную концепцию исторического развития – теорию культурно-исторических типов, которая при наличии определенных недостатков содержала и позитивные идеи, например, в ней все народы и их культуры имели одинаковую историческую значимость и ценность, она объясняла существование у каждого народа передаваемых из поколения в поколение национальных черт культуры. На наш взгляд, не следует связывать органицизм в социальной философии и политике с национализмом. В качестве целостного образования, органицизма может быть взят не один какой-то народ или нация, а человечество в целом. Еще в 1831 году органицист Н. Надеждин писал о единой Европе. «Никогда еще в роде человеческом не примечалось столь единодушного стремления – жить одною общею жизнью по одному всемирному указателю – как ныне: ибо никогда и нигде еще не смыкался он в столь тесное, так сказать, семейное единство, как в органическом союзе нынешней Европы»³³.

В целом, на наш взгляд, в развитии духовной культуры России органицизм сыграл значительную и позитивную роль. Необходимо учитывать результаты, которые дало «органическое» мышление в натурфилософии, гносеологии, этике, эстетике, методологии науки. Органицисты очень много сделали для критики механицизма, редукционизма, внесли существенный вклад в разработку методологии научного познания, что, безусловно, способствовало развитию естественных наук в России. Несомненную ценность, с нашей точки зрения, имело характерное для методологии органицизма стремление к созданию обобщающих теорий в естествознании, эта интенция была тем более плодотворна, чем больше обобщение опиралось на эмпирический уровень исследования природы. И ныне остро ощущается потребность в обобщении накопленных знаний, целостном, синтетическом подходе, что составляло исследовательский пафос органицистов. Они стимулировали внимание исследователей к философским проблемам биологии. В частности, их заслугой является обращение к разработке теоретических проблем физиологии и психологии, что привело, в конечном счете, вместе с развитием эмпирических исследований, к известным открытиям в этих областях. Представители органицизма в своих трудах обосновывали во многом диалектический взгляд на мир, на природу. В рамках этого направления сформировалось представление о человеке как универсальном существе, стоящем в универсальном отношении к миру. При этом органицизм делал акцент на единстве человека и мира, на их гармоническом сосуществовании. Мыслители, использовавшие органицистские подходы, поняли односторонность рационализма и попытались ее

³³ Надеждин Н.И. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. №1 С. 2-3.

преодолеть. Органицисты, стремившиеся избежать крайностей механистического подхода, поставили многие научные проблемы, которые являются актуальными и ныне.

Именно в XX – начале XXI века стали ясно видны эвристические возможности органицизма. Представления российских органицистов о целостности, взаимосвязанности, упорядоченности мира, трактовка его как динамической системы, понимание соотношения целого и части подготавливали почву для появления современной синергетики, системного подхода, теории организации.

Современная картина мира содержит принципиально новые идеи по сравнению с той, что была сформирована в Новое время. Они касаются представлений о природе и взаимодействии с ней человека. Как отмечает в своей статье В.С. Степин, «в современной науке сформировалось новое видение природной среды... . Природа начинает рассматриваться не как конгломерат качественно специфических объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах».³⁴

В условиях переходного характере современной мирохозяйственной системы, что связано с глобализацией всех социальных процессов, все более осознается потребность рассматривать человечество в целом, человеческую деятельность, взаимоотношения человека с природой как систему. Таким образом, основная идея органицизма в настоящее время становится центральной в новой картине мира. Но ныне она не результат во многом умозрительных натурфилософских прозрений, а научный принцип, который обоснован новейшими результатами научных исследований.

В поисках нового видения мира, в стремлении преодолеть глобальные кризисы, которое можно осуществить только на основе установления гармоничных взаимоотношений между человеком и миром, на наш взгляд, может помочь обращение к трудам представителей русского органицизма.

³⁴ Степин В.С. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого// Вопросы философии. 1997. №5. С. 7.